

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Листая недавно газеты военной поры, наткнулся на заметку, помещенную в «Бакинском рабочем» 27 ноября 1943 года под названием «Инвалиды Отечественной войны обучаются музыке». Она показалась мне весьма любопытной. Вот ее содержание.

«В Бакинском музыкальном училище учится много инвалидов Отечественной войны. Красноармеец С. Гулиян обучается игре на кларнете, лейтенант Б. Сикерин, Б. Шуши до войны токарем, занимается по классу трубы. Медсестра С. Хигер учится играть на фортепиано, а тов. Д. Рзаева — на таре. Бывший техник мукомольного завода № 4 П. Сайганов поступил на военный отделение. Вместе с ним пению обучаются также лейтенант Д. Джаваншир и рядовой А. Зейналов.

В консерватории на композиторском отделении учится инвалид Отечественной войны Ашраф Аббасов. Его музыкальные произведения уже исполняют симфоническим оркестром. Немалые способности проявляет и другой студент этого факультета тов. Амиров. Бывший на фронте командиром танкового подразделения тов. Гордеев сейчас показал себя хорошим пианистом. После ранения на фронте тов. Грудский на время потерял слух и дар речи. Выздоровев, он поступил в консерваторию по классу трубы».

Интересная заметка, не правда ли? У меня по прошествии почти полувека с момента описываемых событий она тотчас вызвала вопрос: «А как сложились судьбы фронтовиков, решивших стать музыкантами?»

Для начала решил позвонить композитору Ашрафу Аббасову. И вот что рассказал мне он о событиях той далекой поры:

— Я ушел в армию в тридцать девятом году, с первого курса консерватории. А потом — сорок первый, война... Воевал под Ельней, был ранен в правую руку, лежал в госпитале в Гомеле. В сорок втором вернулся в Баку и поехал работать в Шушу директором музшколы. И вот в конце сорок третьего меня вызывает в Баку Узеир Гаджибеков, который возглавлял тогда консерваторию, и говорит: «Тебе надо продолжать учебу». Так я снова стал студентом Азгосконсерватории. Учился вместе с покойным Фикретом Амировым, чья фамилия также названа в заметке, которая вас заинтересовала. Из тех, кто упомянут еще, знал я Гордеева — он был хорошим пианистом, но остальных не припомню, извините, годы...

Я поблагодарил Ашрафа Джалаловича и продолжил поиски. Они свели меня с Али Насировичем Джаванширом — дирижером симфонического оркестра Азербайджанского телевидения и радио. Я, признаться, поначалу думал, что именно о нем идет речь в заметке, где упомянут лейтенант Джаваншир. Но оказалось, что имелся в виду его старший брат — Джамиль.

— Брат вернулся с фронта с сильной контузией, — рассказывает Али Насирович. — У него была расстроена речь, он заикался. Показывался многим врачам. И вот один из них — профессор Азертниковский посоветовал брату попробовать петь для того, чтобы покончить с заиканием. Джамиль, до того никогда не занимавшийся музыкой, а там более вокалом, начал петь, да так увлекся, что поступил в музучилище! Речь у него наладилась, он окончил училище, затем стал студентом геолого-разведочного факультета Азербайджанского индустриального института, куда мечтал поступить еще до фронта. Но и с пением расставаться ему не хотелось. И вот, будучи студентом АЗИИ, он стал петь в эстрадном оркестре кинотеатра «Пролетарий» (ныне «Вэтэн»), которым в ту пору руководил Рауф Гаджиев, ныне известный наш композитор. Это было время, когда во всех бакинских кинотеатрах были свои оркестры и люди приходили не только посмотреть фильм, но и перед его началом послушать музыку. Брат все же не стал профессиональным вокалистом. Окончив АЗИИ, работал по специальности, а потом его выдвинули на руководящую должность, и в 60-х годах он был первым секретарем Ленинского райкома партии. Но, конечно, до самой смерти очень любил музыку и часто вспоминал о годах учебы в музучилище и работы в оркестре Рауфа Гаджиева.

Что сказать об остальных музыкантах, которые попали в поле зрения корреспондента «Бакинском рабочем» военной поры? Интересна судьба Гордеева. У него на фронте снарядом были оторваны обе ноги, и он ходил на протезах. Но это не помешало ему стать классным пианистом. Он работал в симфоническом оркестре республиканского радиокомитета, затем преподавал в одной из бакинских музшкол, занимался концертмейстерской деятельностью. Как потом сложилась его жизнь, не знаю.

Грудский стал студентом консерватории, уже имея за плечами музучилище, после окончания которого и пошел на фронт. В консерваторию он поступил по совету Узеира Гаджибекова, который вообще очень внимательно следил за талантливой молодежью и всячески старался помочь ей. Особенно он заботился о духовниках, потому что понимал — надо готовить кадры оркестрантов, о которых, увы, потом перестали думать. Грудский окончил консерваторию по классу трубы, руководил одно время каким-то бакинским джаз-оркестром, каким — точно не помню. Умер он в семидесятых годах.

Другой духовик — Сикерин играл на валторне, да так, что автор заметки допустил ошибку, написав, что он занимается по классу трубы. А вот до войны он действительно был токарем. Вернулся с фронта лейтенантом, окончил музучилище и поступил в консерваторию. Помнится даже, что занимался он у профессора Бирольского.

Неплохим кларнетистом был С. Гулиян, впоследствии игравший в одном из военных оркестров. Таристка Д. Рзаева работала в оркестре национальных инструментов Сеида Рустамова. Вместе с моим братом, как явствует из заметки, учились пению П. Сайгаков и А. Зейналов. Последнего я совершенно не помню, что же касается Сайгакова, то он пел позже в хоре Театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова. Вот, собственно, и все, что я знаю о судьбах интересующих вас людей.

Несколько слов о самом Али Насировиче, с чьей помощью мы совершили это небольшое путешествие в прошлое. До войны он учился в музучилище по классу виолончели, попутно играл на ударных в оркестре ККФ, был практикантом в оперном театре. Связь с военными моряками у него продолжалась и после призыва на службу — попал на флотилию. Началась война, оркестр расформировали. Стал Али Джаваншир котельным машинистом, всю войну плавал на танкере, перевозившем нефть в Астрахань. Во время одной из бомбежек получил тяжелую контузию, на четыре месяца потерял слух и речь. Но снова встал в строй и демобилизовался только в 46-м. Вернулся в Баку, пришел к Гаджибекову, зная, какое участие принимает тот в судьбах молодых музыкантов, особенно инвалидов войны.

Гаджибеков сразу же вызвал заведующего учебной частью консерватории и велел зачислить Джаваншира на подготовительное отделение. Это было осенью. А летом следующего года бывший краснофлотец стал студентом консерватории. Поступил на исполнительское отделение, занимался много, увлеченно.

С благодарностью вспоминает Али Насирович педагогов — Бретаниченко, Данилова, Шварца. Они многому научили его. Так же, как Кара Караев, Фикрет Амиров, Ниязи и другие выдающиеся мастера, с которыми его свела жизнь.

... А все начиналось в музучилище, где обучались те, о ком поведала маленькая заметка из газеты военной поры...

Я еще раз перечитал ее, вспомнил рассказанное Али Насировичем, молодых парней, вернувшихся инвалидами с фронта — кто без ног, кто потеряв речь и слух, — и подумал об удивительной силе музыки, ставшей исцелительницей, подумал о добрых, заботливых людях, опекавших и направлявших их, таких, как Узеирбек Гаджибеков.

А есть ли они сегодня у тех наших парней, кто вернулся искалеченным из Афганистана, кому так нелегко сейчас войти в нормальную, здоровую жизнь? Боюсь, что очень трудно будет вот так сразу, не рискуя ошибиться, ответить утвердительно на этот вопрос.

В. АСКЕРОВ.

Зам. редактора Ю. П. КАТКОВ.